

**Известия Таврической
ученой архивной комиссии.
Книга 52**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
ИЗЗ

ИЗЗ Известия Таврической ученой архивной комиссии. Книга 52 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 285 с.

ISBN 978-5-517-93204-4

Таврическая Учёная Архивная Комиссия регулярно публиковала сборник трудов «Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии» (ИТУАК). Всего, с 1887 по 1920 годы, было выпущено 57 томов этого издания, в которых было опубликовано более 400 научных статей, исторических документов, археологических находок. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1915 года

ISBN 978-5-517-93204-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Пословицы, поговорки и примѣты Крымскихъ татаръ, собранныя г.г. А. А. Боданинскимъ, Мартино и О. Мурасовымъ.

(Подъ редакціей А. Н. Самойловича и П. А. Фалева).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Въ основу настоящаго изданія татарскихъ пословицъ положенъ сборникъ А. А. Боданинскаго (521 посл.), полученный мною осенью 1912 года черезъ посредство пр.-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета А. Н. Самойловича отъ Таврической Ученой Архивной Коммисіи. Когда работа по приготовленію его къ печати была уже закончена, ко мнѣ поступили, тѣмъ же путемъ, сборники О. Мурсова (305 посл.) и г. Мартино (54 посл.), которые нужно было присоединить къ изданію, исключивъ дублиеты.¹⁾ Пословицы же, являющіяся вариантами пословицъ г. Боданинскаго, я помѣстилъ въ примѣчаніяхъ. Рукописи А. А. Боданинскаго и г. Мартино и половина рукописи О. Мурсова написаны не мусульманскимъ алфавитомъ, а при помощи условныхъ транскрипцій. Лучшей изъ нихъ была транскрипція О. Мурсова, проведенная, въ общемъ, довольно вдумчиво и послѣдовательно.

Издать всѣ рукописи въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ имѣлъ, я не могъ, такъ какъ разность транскрипцій внесла бы

¹⁾ Рукопись О. Мурсова, какъ и рукопись А. А. Боданинскаго поступила къ А. Н. Самойловичу отъ Таврической Ученой Архивной Коммисіи. Сборникъ же г. Мартино былъ присланъ авторомъ непосредственно А. Н. Самойловичу въ его личное распоряженіе. Впослѣдствіи А. Н. Самойловичъ сообщилъ мнѣ нѣсколько пословицъ записанныхъ имъ самимъ, которыя и отмѣчены ниже. Во все время моей работы онъ не представилъ интересоваться ею, не разъ давалъ мнѣ цѣнныя указанія и исправлялъ мои промахи, за что приношу ему искреннюю благодарность.

нежелательную пестроту въ текстъ изданія. Измѣненіе уже принятой транскрипціи г. Боданинскаго по принципамъ транскрипціи О. Мурасова задержало бы и безъ того затянувшуюся работу. Въ виду этого я рѣшилъ остаться при прежнемъ способѣ обозначенія звуковъ крымско-татарской рѣчи, отмѣтивъ въ предисловіи тѣ фонетическія особенности, какія можно усмотрѣть въ рукописяхъ. Разница же ихъ транскрипціи зависитъ, повидимому, отъ діалектическихъ особенностей рѣчи какъ самихъ авторовъ рукописей, такъ и тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они собирали свой матеріалъ. Ни одинъ изъ нихъ, къ сожалѣнію, не говоритъ точно, гдѣ собирались имъ пословицы. Г. Боданинскій, судя по его предисловію, не записывалъ пословицъ южно-бережскихъ татаръ, тахъ какъ онъ считаетъ ихъ „прямыми потомками грековъ и генуэзцевъ“, которые „до сихъ поръ говорятъ на какомъ-то греко-турецкомъ жаргонѣ и, слѣдовательно, не могутъ быть творцами Крымско-татарской народной литературы“. О. Мурасовъ въ своемъ предисловіи на татарскомъ языкѣ называетъ Феодосійскій, Перекопскій и Евпаторійскій уѣзды мѣстами наибольшаго распространенія пословицъ, но не добавляетъ, собиралъ-ли онъ свои пословицы во всѣхъ этихъ уѣздахъ или только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ рукописи г. Мартино нѣтъ никакого предисловія.

При транскрибированіи рукописей мнѣ пришлось еще измѣнить нѣкоторыя начертанія г. Боданинскаго. причиненныя не особенностями фонетики, а вліяніемъ представленій изъ области татарской орфографіи съ одной стороны и русской—съ другой. Это можно пояснить на одномъ примѣрѣ. Такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Боданинскій пишетъ *чикды* (вышелъ), вмѣсто *чыкты*. Употребленіе *и* вмѣсто *ы* здѣсь объясняется правиломъ русскаго правописанія,¹⁾ а *д* вмѣсто *т*—постановкой, по татарской орфографіи, буквы „*даль*“ въ окончаніяхъ прошедшаго времени. даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этихъ окончаніяхъ мы слышимъ *т*.

При передачѣ текста О. Мурасова по принятой мною системѣ я упустилъ бывшіе у него знаки *ö* и *ÿ*. У г. Боданинскаго вездѣ на мѣстѣ этихъ знаковъ стоятъ *о* и *у*, и нѣтъ даже попытки хоть чѣмъ-нибудь обозначить палатальность этихъ гласныхъ. Г. Мартино прибѣгаетъ въ подобныхъ случаяхъ къ буквамъ *ö* и *ÿ*. Послѣдняя буква взята изъ русской азбуки;

¹⁾ Когда моя работа была уже окончена, А. Н. Самойловичъ обратилъ мое вниманіе на то, что написаніе „*и*“ въ данномъ случаѣ можетъ объясняться іотированнымъ характеромъ звука *ч*, какой онъ имѣетъ въ турецкой рѣчи.

ею могъ воспользоваться и г. Боданинскій, но этого мы не видимъ. И онъ не стоитъ одиноко. Въ книгѣ А. Олесницкаго „Пѣсни крымскихъ турокъ“, изданной въ XXXII вып. „Трудовъ по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ“, тоже нѣтъ знаковъ *ö* и *ü*. Объ отсутствіи палатальныхъ лабиализованныхъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ крымско-татарскихъ діалектахъ говорили мнѣ А. Н. Самойловичъ и уроженецъ Бахчисарая Джелялъ Меиновъ.¹⁾ Кромѣ того, не одинъ разъ я наблюдалъ у крымскихъ татаръ произношеніе — *кун* (день), *гуль* (роза) *гузель* (хорошій) *голь* (озеро) и т. д. Это явленіе замѣчено и въ другихъ турецкихъ нарѣчіяхъ (въ Малой Азій, у сартовъ и др.).²⁾ Отсутствіе палатальныхъ губныхъ гласныхъ въ говорѣ польскихъ армянъ, говорящихъ по-татарски, Крелицъ-Грейфенгорстъ объясняетъ отсутствіемъ этихъ гласныхъ въ армянскомъ.³⁾ Слабая пренебрежительность ихъ у сартовъ стоитъ въ связи съ иранскимъ происхожденіемъ послѣднихъ. И вообще въ основѣ наиболѣе рѣзкихъ фонетическихъ измѣненій лежитъ обыкновенно примѣсъ иноязычныхъ элементовъ или же полное заимствованіе даннаго языка народомъ, говорившимъ прежде на языкѣ съ иной фонетикой.⁴⁾ Крымъ, по пестротѣ разноплеменнаго населенія, — настоящій этнографическій музей.⁵⁾ Общимъ распространеніемъ среди коренныхъ крымцевъ пользуется татарскій языкъ.⁶⁾ Неизбѣжность значительныхъ измѣненій его въ такихъ условіяхъ очевидна. Я слышалъ отъ крымскихъ татаръ пѣсню, начинающуюся словами: „Оксек минаре, кашларынг каре“. Слово „*каре*“ — не что иное, какъ старое обще-турецкое *кара* (черный). Нельзя думать, что причиной такого измѣненія служитъ стремленіе найти рифму къ „*минаре*“. По-

¹⁾ Д. Меинову я обязанъ и нѣкоторыми другими указаніями. Еще чаще я обращался къ помощи живущаго въ Петербургѣ крымца Мексеита Джемилаева. Пользуясь случаемъ искренно поблагодарить ихъ за всѣ доставленныя мнѣ свѣдѣнія.

²⁾ О мало-азійскихъ діалектахъ см. В. Максимова: „Опытъ изслѣдованія тюркскихъ діалектовъ въ Худавенгаръ и Карамани“ С.-Петербургъ. 1867, стр. 25—26 и ст. К. Фоя въ будапештскомъ журналѣ *Keleti Szemle* т. I, стр. 307; о сартахъ см. замѣчаніе А. Н. Самойловича въ Зап. Вост. Отд. И. Археол. Общ. т XIX, стр. 0161, прим. 5.

³⁾ *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, т. XXVI, стр. 309.

⁴⁾ А. И. Томсонъ: „Общее языковѣдѣніе“. Одесса, 1910 стр. 261.

⁵⁾ Описанію различныхъ народностей, населяющихъ Крымъ, посвящены 8—13 части соч. В. Х. Кондараки: „Универсальное описаніе Крыма“. С.-Петербургъ, 1875 г.

⁶⁾ В. В. Радловъ. Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Часть VII, предисловіе.

добное произношеніе „кара“ наблюдается въ пѣсняхъ и при другихъ условіяхъ.¹⁾ Здѣсь нарушенъ основной законъ турецкой фонетики — гармонія гласныхъ — въ чисто турецкомъ, не заимствованномъ словѣ. Едва-ли это могло произойти въ устахъ исконнаго турка. Фактъ станетъ легче объяснимымъ, если мы припомнимъ, что хранителями и составителями татарскихъ пѣсенъ въ Крыму являются цыгане.²⁾

Говоря объ особенностяхъ вокализма, укажу начертанія въ рукописи О. Мурасова *бызар* и *бзар*, представляющія такъ называемый аористъ отъ основы *боз(в)*. Чередованіе *о—ы* неизвѣстно турецкой фонетикѣ вообще и въ крымскомъ нарѣчьи въ частности. Точно такъ же нельзя видѣть причину развитія *о* въ „фонетическій нуль“ въ его положеніи въ неударенномъ слогѣ. Въ словахъ *ногай*, *чобан* и т. д. *о* находится въ такихъ же условіяхъ, что и въ *бозар*, но нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя заставляли бы предполагать произношеніе *нгай*, *чбан* и т. д. Здѣсь необходимо обратить вниманіе на тенденцію нѣкоторыхъ согласныхъ турецкаго языка стать слоогообразующими. Что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло именно съ этимъ явленіемъ, видно изъ начертанія *бызар*, указывающаго на то, что въ словѣ *бзар* чувствуется иногда два слога, а не одинъ. Разумѣется, положеніе *з* передъ широкимъ гласнымъ *а* препятствуетъ ему сохранить свой слоогообразующій характеръ во всѣхъ случаяхъ. Но въ началѣ процесса развитія *о* въ „фонетическій нуль“ слоогообразующій характеръ былъ присущъ *з* и, совмѣстно съ положеніемъ *о* въ неударенномъ слогѣ, способствовалъ развитію *бозар* въ *бзар*. Кромѣ *з* слоогообразующими могутъ быть и другіе согласные. прежде всего *р* (бръ=бир, одинъ), затѣмъ *н* (дн=дин, вѣра), *м* (кмге=кимге, кому) и т. д.³⁾

Съ вопросомъ о причинахъ начертанія *бзар* вмѣсто *бозар* мы вступаемъ въ отдѣлъ согласныхъ. При передачѣ консонантовъ я выпустилъ изъ транскрипціи О. Мурасова знакъ *h* для звука въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ изъ арабскаго или персидскаго языка словахъ, напримѣръ, въ словѣ *her* (каждый), которое иногда пишется и просто *er*. Г. Боданинскій всегда пишетъ *er*. Далѣе, опущенъ *ь* („мягкій знакъ“), употребляемый

¹⁾ См. „Восточный Сборникъ“ Общ. Русск. Оріенталистовъ, СПб. 1913, кн. I, стр. 52, а также А. С.-чъ: Крымская пѣсня про Портъ-Артуръ, Жив. Старина, 1910 г., вып. I II, стр. 129.

²⁾ В. Кондараки, ор. cit. часть IX, стр. 73.

³⁾ О слоогообразующемъ характерѣ *з* см. у П. М. Меліоранскаго „Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ“. Спб. 1900, стр. 07, прим. 5.

О. Мурсовымъ при согласныхъ, оканчивающихъ слогъ въ словахъ съ небными гласными. О. Мурсовъ пишетъ: бирь, дегень, пекъ и т. д.

Интересное явленіе представляетъ имѣющееся въ рукописи Г. Боданинскаго слово *денгиштирмек*¹⁾ (измѣнить, перемѣнить), встрѣчающееся, обыкновенно, въ формѣ дегиштирмек или дейштирмек. Повидимому, слово дейштирмек и въ Константинополѣ претерпѣло такое же измѣненіе, какъ и въ Крыму, съ соотвѣтствующимъ развитіемъ *нг* въ *н*. По крайней мѣрѣ, Балканъ оглу въ статьѣ о нарѣчій гор. Килиса (близъ Алеппо) называетъ форму дейштирмек не константинопольской.²⁾ К. Гоу въ статьѣ „Das Aidinisch-Türkische“³⁾ приводитъ рядъ любопытныхъ примѣровъ распространенія фонемы *нг* на корни, въ которыхъ она прежде не встрѣчалась. Въ нѣкоторыхъ малоазійскихъ діалектахъ говорятъ *инг* (нора), *синг* (ты еси) и даже *ингсан* (человѣкъ), *менгер* (развѣ). Въ распространенной въ Крыму поэмѣ „Ашыкъ Кариб“, транскрибированной В. В. Радловымъ по произношенію покойныхъ караимскаго дѣятеля Фирковича и караимскаго же поэта Эрака,⁴⁾ *нг* встрѣчается въ серединѣ словъ передъ *л* въ такихъ случаяхъ, когда обыкновенно стоитъ простое *н*, на примѣръ: *канглы* отъ кан-кровь (стр. 245), *ятсынгла*р—пусть они лягутъ (246), *юхласынгла*р, *бунгла*ры—этихъ (*ив*), *шунгла*ры—тѣхъ (247) *пышангладжаксын* (*ив*), *душмангла*рынг (250) и т. д.

Проф. В. В. Бартольдъ въ своемъ „Очеркѣ исторіи Семирѣчья“⁵⁾ говоритъ, что въ персидскихъ историческихъ сочиненіяхъ названіе одной мѣстности въ Средней Азіи „Секизь-Игачъ“ (8 деревьевъ) пишется „Сенкизь-Игачъ“ или „Сенгизь-Игачъ“. Здѣсь чрезвычайно важно отмѣтить, что подобныя написанія, указывающія на извѣстное произношеніе, встрѣчаются въ персидскихъ рукописяхъ. Фонема *нг*, свойственная турецкому языковому мышленію, необычна для языковаго мышленія

1) Буквы *нг* обозначаютъ носовое *г*. Я пишу денгиштирмек по произношенію Дж. Меинова. Г. Боданинскій пишетъ просто—деништирмек. Вообще, онъ, повидимому, затруднялся при передачѣ звука *нг*. Въ другихъ случаяхъ онъ передаетъ его черезъ одно *г*.

2) Kelete Szemle за 1902 г. стр. 266.

3) Kelete Szemle т. I, стр. 287 и далѣе.

4) В. В. Радловъ: „Образцы народной литературы сѣв.-тюркскихъ племенъ“, ч. VII, стр. 241 и далѣе. Ср. еще англи=50 по слов. В. В. Радлова.

5) Отд. отт. изъ „Памятной Книжки Сем. Обл. на 1898 г., стр. 72, прим. 2.

иранцевъ. Этимъ и объясняется незаконномѣрность ея появленія въ такихъ заимствованныхъ персами турецкихъ словахъ, которыми она у турокъ чужда. По аналогіи съ этимъ случаемъ и въ выше приведенныхъ примѣрахъ изъ мало-азійскихъ нарѣчій можно предположить влияние коренного греческаго населенія, принявшаго впослѣдствіи турецкій языкъ. Фонема *ng* у многихъ нарѣчій претерпѣла разныя измѣненія и въ тѣхъ корняхъ, въ которыхъ она встрѣчалась искони. Сарты, напримѣръ, по наблюденію А. Н. Самойловича, произносятъ два отдѣльные звука *n* + *g*. Въ нѣкоторыхъ стихотворныхъ средне-азіатскихъ произведеніяхъ *ng*, смотря по метру, считается то за одинъ звукъ, то за два.¹⁾ У османскихъ турокъ и у азербейджанцевъ *ng* развилось въ простое *n*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ *g*.²⁾

Изъ морфологическихъ особенностей отмѣчу род. п. на *ны*, встрѣчающійся въ рукописи г. Боданинскаго: *атны* (лошади), *кадынны* (женщины), *казакны* (русскаго), *Аллахны* (Бога) и др. Родительный на *ны*, какъ замѣтилъ мнѣ А. Н. Самойловичъ, встрѣчается въ нѣкоторыхъ степныхъ крымско-татарскихъ говорахъ, отмѣчая родство этихъ говоровъ съ нѣкоторыми среднеазіатско-турецкими нарѣчіями, напримѣръ: сартовскимъ и узбекскимъ.

Въ заключеніе этого небольшого экскурса въ область турецкой грамматики остановлюсь на словѣ *азачык*. Принято считать это слово уменьшительной формой отъ *аз* (мало) съ неизвѣстно откуда взявшимся *a* между основной и суффиксомъ для образования уменьшительныхъ. Въ пословицѣ — „кодалак араба джол бозар, азачык молла дин бозар“, которая А. А. Боданинскимъ переведена: „колымага портитъ дорогу, незначительный мулла портитъ вѣру“, — къ трудности объяснить появленіе *a* передъ окончаніемъ *чык* присоединяются семасіологическія затрудненія. Мнѣ кажется, что препятствія къ толкованію этого слова будутъ устранены, если мы примемъ азачык (или азаджык) за уменьшительную форму не отъ *аз*, а отъ *азак*. Отъ словъ съ конечнымъ *k* (задняго и передняго ряда) уменьшительныя образуются съ опущеніемъ этого *k* (уфак — уфачыкъ, узак — узаджык и т. д.);³⁾ слѣдовательно, отъ *азак*

¹⁾ См. работу А. Н. Самойловича: „Абду-с-Саттаръ Казы“ — Книга разсказовъ о битвахъ текинцевъ. Спб. 1914, стр. 062.

²⁾ К. Фоу: „Azerbajgvanische Studien“. ВЪ Mittheilungen des Seminars für orientalischen Sprachen zu Berlin. т. VI, отд. II, 187—8.

³⁾ R. Youssouf: „Grammaire complète de la langue ottomane“. Constantinople, 1812, стр. 95. Можетъ быть, въ связи съ запятованіемъ этого правила стоитъ форма купеджик, какъ уменьшительное отъ *куп* (чаша), въ словарѣ Ценкера. Купеджик — уменьшительное отъ купек (собака).

уменьшительное и будет *азачык*. Это *азак*, отъ котораго, по моему мнѣнію, происходитъ форма *азачык*, я не сблизжаю, по крайней мѣрѣ, непосредственно, съ сохранившимся въ Вост. Туркестанѣ словомъ *азак* (низкій, низкое мѣсто).¹⁾ *Азак*, пожившее для образования слова *азачык*, есть, по-моему, отглагольное имя отъ основы *аз(в)* сбиться съ дороги, заблудиться, испортиться и т. д.²⁾ При такомъ толкованіи слова *азачык* станеть понятнымъ его значеніе въ вышеприведенной пословицѣ. Значеніе же уменьшительнаго отъ *аз* формѣ *азачык* было придано потомъ, когда вышло изъ употребленія отглагольное имя *азак*, и *азачык*, какъ уменьшительное отъ *азак*, не могло пониматься. Въ своемъ новомъ значеніи *азачык* вытѣснило правильную форму уменьшительнаго отъ *аз*.

II.

Г. г. Боданинскій и Мартино снабдили свои пословицы переводомъ. При редактированіи я старался, по возможности, сохранить ихъ переводъ: измѣнялъ его лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторы сборниковъ переводили не дословно, а по смыслу. О. Мурасовъ перевода не далъ по недостатку времени, хотя сознавалъ необходимость представить переводъ. „У простого народа“, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, „попадаются рѣдкія слова, на примѣръ, *чалмап=чайнаярак* (жевать), *кындаг=чоджугу саран без* (пеленки), *джорме,*³⁾ *кымырска=чекирге* (саранча, сверчокъ, кузнечикъ),⁴⁾ *мефа=вефа* (вѣрность)“. Другихъ объясненій въ рукописи О. Мурасова, къ сожалѣнію, нѣтъ. Между тѣмъ, при трудности языка многихъ, особенно старыхъ, пословицъ, ни одинъ только переводъ, ни одинъ только текстъ пословицъ „не могутъ считаться удовлетворительнымъ матерьяломъ для изученія“. ⁵⁾ Мало того, желательнo было бы имѣть и объясненія, въ какихъ случаяхъ и какъ данная пословица примѣняется. Я сообщу здѣсь любопытный примѣръ измѣненія пословицы въ цѣляхъ примѣненія къ частному случаю. Нѣкій мулла уговаривалъ одного молодого мусульманина жениться.

¹⁾ См. въ словарѣ В. В. Радлова. Проф. В. В. Бартольдъ обратилъ вниманіе на то, что, повидимому, турецкое названіе Азова (*Azák*) стоитъ въ связи съ этимъ словомъ.

²⁾ См. слов. В. В. Радлова.

³⁾ О. Мурасовъ не объяснилъ этого слова. М. Джемилевъ говорилъ мнѣ, что такъ называются ремешки для завязыванія у простыхъ татарскихъ башмаковъ (чаблы).

⁴⁾ По словамъ другихъ крымцевъ, *кымырска* значитъ муравей.

⁵⁾ Слова проф. П. М. Меліоранскаго. Зап. Вост. Отд. XII, 026.

Желая подкрѣпить свои убѣжденія авторитетомъ какого-нибудь изреченія, онъ, повидимому, остановился на пословицѣ: „*Янгызылык тек Аллага ярашыр*—Единство приличествуеть лишь Богу“. Эта пословица стоитъ въ связи съ основнымъ догматомъ мусульманскаго вѣроученія. Должно быть, мулла показало кощунственнымъ примѣнить ее къ положенію своего молодого друга и сравнить единство Божіе съ одиночествомъ холостого человѣка, вслѣдствіе чего онъ и сказалъ: „*Янгызылык тек Иса аляйхи селямга ярашыр*—одиночество приличествуеть лишь Иисусу“. Такимъ образомъ, мулла и кощунства избѣжалъ и сохранилъ необходимый авторитетъ изреченія. На подобную трансформацию пословицы, конечно, оказало вліяніе и представленіе о рекомендуемости безбрачія у христіанъ. Болѣе подробное изслѣдованіе пословицъ въ ихъ примѣненіи къ частнымъ случаямъ откроеть и другіе виды перехода пословицъ изъ одной формы въ другую. А область пользованія ими въ обиходѣ разныхъ турецкихъ племенъ чрезвычайно обширна. Уже нѣкоторыя выраженія орхонскихъ надписей носятъ proverbіальный характеръ.¹⁾ Еще больше, конечно, такихъ выраженій въ дидактическомъ „Кутадгу биликъ“.²⁾

Въ сборникѣ османскихъ пословицъ Теке-заде М. Саида, наряду съ пословицами, приведенъ цѣлый рядъ стиховъ османскихъ поэтовъ, въ составъ которыхъ вошли пословицы. Указанія Теке-заде М. Саида неполны, такъ какъ имъ приняты во вниманіе лишь нѣкоторые позднѣйшіе поэты. Г. Гиббъ отмѣтилъ значеніе пословицы для турецкой литературы въ періодъ, переходный отъ полного господства персидскихъ литературныхъ теченій къ такъ называемому романтизму.³⁾ У него же приведены любопытные отзывы Наби о Сабитѣ, искусствѣ всѣхъ использовавшемъ пословичный матерьялъ.⁴⁾ Изъ пословицъ и поговорокъ составляютъ цѣлые рассказы,⁵⁾ пословицами пользуются въ официальныхъ документахъ.⁶⁾ О любви къ пословицѣ въ новой Турціи свидѣтельствуетъ большое количество сборниковъ, появившихся въ недавнее время. Учебники для народныхъ школъ, вродѣ „Талим-и краатъ“ Муаллима Наджи, переполнены „словами отцовъ“. Покойный Ахмедъ Мидхадъ

¹⁾ П. М. Меліоранскій: „Объ орхонскихъ надгробныхъ надписяхъ“. Журн. Мин. Народн. Просв. за 1898 г. іюнь, стр. 280.

²⁾ Изд. ак. В. В. Радловымъ въ Петербургѣ въ 1900 году.

³⁾ E. I. W. Gibb: „A history of ottoman poetry“, London, 1904, т. III, 245.

⁴⁾ Ibid. IV, 16 - 17.

⁵⁾ Н. Остроумовъ: „Сарты“. Вып. III, стр. 64 и далѣе.

⁶⁾ Ibid. стр. III.

въ сотрудничествѣ съ Османомъ Хамди-беемъ написаль цѣлый рядъ рассказовъ на темы, даваемыя пословицами.¹⁾

О значеніи пословицы въ Крыму находимъ интересныя данныя въ рукописи О. Мурасова. „Пословицы“, пишетъ онъ, „еще въ концѣ XIX вѣка были очень распространены среди крымскаго населенія, особенно въ Керченской округѣ, Феодосійскомъ, Перекопскомъ и Евпаторійскомъ уѣздахъ.“²⁾ Въ дни моего дѣтства, въ 1890 – 1900 годы, въ Феодосійскомъ и Перекопскомъ уѣздахъ былъ такой старый обычай, оставшійся съ давнихъ временъ. Въ деревнѣ, по приглашенію какого-нибудь челоѣвка, или на „*талака*“,³⁾ или на свадьбѣ собирались люди среднихъ лѣтъ, которыхъ крымцы называютъ *кырджманъ*. Молодые люди считаются молодыми кырджманами (*гендж кырджман*). Слово „*кырджман*“ имѣетъ много значеній, но настоящій его смыслъ неизвѣстенъ. Словомъ, собиралось около 20 – 30 челоѣвкъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ: „Друзья! Чѣмъ такъ-то сидѣть, лучше будемъ говорить пословицы“. И вотъ они выбрали одного или двухъ въ старшіе (*баш*). Остальные въ полномъ молчаніи слушали. Старшій, начиная справа, по-очереди вслѣ игру, доходя до сидящаго налѣво отъ него, а потомъ опять начиналъ съ сидящаго направо. И такъ говорились пословицы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, а то и до утра: если было мало людей, то нѣсколько часовъ, а если много, то до утра. А порядокъ былъ таковъ. Челоѣвкъ, до котораго дошла очередь, вставалъ со своего мѣста и опускался на колѣни пе-

¹⁾ В. Д. Смирновъ: „Образцовыя произведенія османской литературы“. СПб. 1903, стр. XVIII предисловія и стр. 292—298 текста. Татарскій переводъ этихъ рассказовъ изданъ въ Казани въ 1903 году.

²⁾ Т. е. въ степныхъ уѣздахъ, татарское населеніе которыхъ и по языку, и по словесному творчеству замѣтно отличается отъ остальныхъ крымскихъ татаръ (А. Самойловичъ).

³⁾ „Талака“, по словамъ М. Джемилева, называется угощеніе, устраиваемое запоздавшимъ въ полевыхъ работахъ крестьяниномъ помогавшимъ ему односельчанамъ. Помѣщики тоже устраивали „талака“ для работавшихъ на нихъ крестьянъ. Такъ же называются зимнія собранія деревенскихъ парней для какой-нибудь общей работы (обыкновенно, для выдѣлки войлока). Часто рядомъ съ „талака“ парней въ содѣнемъ помѣщеніи собираются дѣвушки на „джин“. Д. Меиновъ слышалъ, что въ Евпаторійскомъ уѣздѣ на „талака“ сходятся молодежь обоюго пола. Между парнями и дѣвками происходятъ состязанія въ пѣсняхъ и прибауткахъ. Талака, или толка, какъ общая помощь крестьянъ своему односельчанину, извѣстна и русскимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто „талака“ или толка“ говорятъ просто „помочь“. (См. „Очерки Бѣлоруссіи“ А. Сержпутовскаго въ „Живой Старицѣ“ за 1907 г. вып. IV, стр. 210 и далѣе).

редь старшимъ. Вниманіе всего собранія сосредоточивалось на этомъ человѣкѣ, и онъ говорилъ: „Вотъ что сказали предки!„ Старшій спрашивалъ: „Что же они сказали?“ А онъ:— „*Джамалак горсенг джатып ал, джамандан боюнг сатып ал!*“ — Такъ, такъ, — говорилъ старшій: „предки хорошо сказали. Хвала и предкамъ, и тебѣ!“.

Говорившій пословицу вставалъ, становился его сосѣдъ и т. д. Но подобно тому, какъ были очень искусные на пословицы, находились и такіе, что смущались. Бывало, что дойдетъ до такого очередь, онъ встанетъ, преклонить колѣна передъ старшимъ: — „Вотъ что предки говорили!“ — „Что же они говорили?“ — А онъ не найдетъ, что сказать, и теряется. „Эхъ, другъ!“ говорилъ ему старшій: „ты еще молодъ, поди — поучись!“ Съ такихъ людей брали установленный штрафъ въ три или въ пять копеекъ. Такихъ смущавшихся бывало много. Собирая по пяти копеекъ, набирали полтинникъ, а то и нѣсколько рублей. Когда кончалась игра, покупали на эти деньги халвы или конфектъ для угошенія собравшихся. Иногда, когда кончатся пословицы, принимались за загадки. Вотъ какой хорошій обычай былъ еще недавно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Крыма. Но въ послѣднее время я ничего не слышалъ о такихъ обычаяхъ. Если они и есть, то очень рѣдки. Можетъ быть, встрѣчаются въ Перекопскомъ уѣздѣ. Но въ Феодосійскомъ они давно исчезли, такъ что теперешніе кырджманы ничего не знаютъ о подобныхъ играхъ. А причина та, что среди деревенскаго народа очень распространились водка и пиво. Теперь въ деревнѣ, точно въ городѣ, не бываетъ ни свадьбы, ни праздника безъ водки и пива, безъ драки и шума. Гдѣ свадьба, тамъ ужъ непременно и водка. Въ нѣкоторыхъ крымскихъ деревняхъ водка до того распространена, что сказать: „я не пью“ — считается за большой стыдъ. Такъ подъ губительнымъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ исчезаютъ оставшіеся отъ предковъ полезныя обычаи, равлеченія и игры. Теперь по пальцамъ можно перечестъ крестьянъ, знающихъ загадки или пословицы, до того ихъ мало!“

III.

А. А. Боданинскій не ограничился только собираніемъ и переводомъ пословицъ. Въ своемъ сборникѣ онъ представилъ еще сравненіе татарскихъ пословицъ съ русскими. Изъ его способа сравненія видно, что онъ не задавался мыслью опредѣлить общность или необщность ихъ происхожденія. Всѣ собранныя имъ пословицы онъ считаетъ чисто крымско-татарскими, о